

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-196-208
УДК 297:322(520) "12/20"

Поступила: 22.12.2025г.
Сдана на рецензию: 26.12.2025г.
Подписана к печати: 17.01.2026г.

ИСЛАМ И ЯПОНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯПОНСКОГО СИНКРЕТИЗМА И ИСТОРИЯ ИСЛАМА В ЯПОНИИ ДО 1945 ГОДА¹

О.Х. Бардакчян

*Российско-Армянский университет
hovobard@gmail.com
ORCID: 0009-0001-7869-4458*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена историческому анализу контактов Японии с исламским миром, а также особенностям восприятия ислама японской интеллектуальной элитой на ранних этапах этих взаимодействий. Рассмотрены как спорадические контакты до эпохи Мэйдзи, так и процессы систематического проникновения ислама в Японию в конце XIX – начале XX века. Проанализированы ключевые события и личности, включая крушение фрегата «Эртогрул», становление первых японских мусульман, деятельность тайных обществ и интеллектуальных кругов, а также возникновение идей синкретического «Японского ислама». Особое внимание уделено взаимосвязи религии и политики, проявлявшейся в использовании исламского фактора в рамках геополитических и экономических интересов Японской империи.

Ключевые слова: Япония, ислам, синкретизм, паназиятизм, геополитика.

Введение

Вопрос взаимодействия религии и общества является важным объектом исследования современной гуманитарной науки, поскольку религия и политика часто взаимосвязаны гораздо больше, чем принято считать, даже в условиях современной тенденции к секуляризации общественного пространства.

С этой точки зрения, взаимодействие между исламским миром и Японией представляет собой интересный кейс, изучение которого было актуализировано в свете увеличения численности исламской общины в течение последних десятилетий и ее влияния на японское общественное пространство.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского университета, в рамках программы стимулирования молодых ученых.

Согласно новейшим оценкам, на 2025 год в Японии проживает суммарно около 420 тысяч мусульман. Речь идет как о временно проживающих в Японии иностранных рабочих, преимущественно из Индонезии, Бангладеша, Малайзии и Пакистана, так и о гражданах Японии мусульманского вероисповедания. На 2025 год 55 тысяч граждан Японии являются мусульманами [1].

Кроме того, необходимо отметить рост публикаций по теме взаимодействия ислама и Японии в международной научной печати, японоязычной, англоязычной и русскоязычной, что так же свидетельствует о высокой степени актуальности исследования на эту тему. Так, значительная часть источников, использованных в данном исследовании увидели свет в период с 2020 по 2025 год.

В связи с данным обстоятельством возникает необходимость проанализировать историю взаимодействия между исламским миром и Японией, а так же истоки формирования исламской общины Страны восходящего солнца. Таким образом, целью данной статьи является исторический анализ контактов Японии и исламского мира на его ранних этапах, и особенности восприятия ислама со стороны японской интеллектуальной элиты своего времени.

Для достижения поставленной перед нами цели в статье необходимо выполнить следующие задачи:

1. Рассказать о наиболее достоверных контактах между исламским миром и Японией в период до эпохи Мейдзи.

2. Проанализировать особенности традиционного восприятия иностранных религиозных, философских и религиозно-философских концепций в Японии вообще и ислама в частности. Для этого провести анализ восприятия ислама с точки зрения наиболее влиятельных и известных первых японцев-мусульман.

3. Выявить место и роль японских тайных обществ конца XIX-го начала XX-го веков в деле изучения и распространении ислама, а так же место ислама в геополитических планах Японской империи.

В статье использованы англоязычные труды японских и неапонских авторов, а так же русскоязычные исследования, посвященные проблеме ислама в Японии. Авторами работ, чьи исследования были использованы в данном исследовании, являются Х. Танада, А. Ямагата, Н. Мисава, Г.Д. Моррис, Г.М. Крамер, Б.К. Акын, К.Ю. Абдуразаков, Л. Усманова и др.

Нами использовались методы исторического исследования, прежде всего, историко-генетический и историко-описательный, позволяющие проследить формирование и развитие контактов между Японией и исламским миром в их хронологической последовательности. С целью сопоставления механизмов восприятия ислама с процессами адаптации других религиозно-философских учений применен историко-сравнительный метод. Анализ взглядов японских интеллектуалов и религиозных деятелей осуществлен в рамках подхода интеллектуальной истории. При рассмотрении роли ислама в

геополитических проектах Японской империи использовались элементы историко-политического анализа.

Контакты до и после Революции Мейдзи

Исламская община Японии сравнительно молода, особенно на фоне более традиционных этно-религиозных диаспор – таких, как корейцы или китайцы, однако история взаимодействия Японии и исламского мира имеет более глубокие корни. Так, в ходе археологических раскопок на бывшей территории храма Сайдай-дзи были найдены остатки керамики исламского происхождения, датированной концом VIII – началом IX веков: сине-зеленый глазурованный керамический кувшин. Как он оказался в Японии, до сих пор не ясно, однако факт остается фактом: это – одно из первых материальных свидетельств ранних контактов исламского мира и Японии [2].

Первым мусульманином, о посещении которого Японии достоверно известно, был Садулудин. Он посетил Японию в 1275 году в составе делегации, направленной Великим ханом Хубилаем, с целью убеждения японцев покориться после неудачного Первого похода Монголов на Японию 1274 года. Однако делегация 1275 года не только не добилась успеха, но и была обезглавлена в полном составе по приказу тогдашнего правителя Японии, сиккэна (執権 – правитель, держатель власти) Ходзе Такимуне. Судьбу своих «товарищей» разделил и Садулудин [3].

В дальнейшем контакты исламского мира и Японии носили спорадический и фрагментарный характер. Мусульмане посещали Японию в качестве членов команд, слуг или рабов европейских торговцев. Есть также непроверенные сообщения о мусульманской миссии в Японию в 1550-х гг., осуществленной при содействии португальских торговцев за авторством известного миссионера, члена ордена Иезуитов Луиса Фройса [4].

Правда, нельзя сказать, что в Японии не знали, что такое ислам. Так, Арай Хакусэки (1657–1725) в своих работах «Сайран игэн» (написан в 1713 году, опубликован в 1802 году) и «Сэйе кибун» (написан между 1713 и 1725 годами) – показывает, что японцы получали знания об исламе и его последователях, а также о христианстве из иезуитских, голландских и китайских источников [5]. А Морисима Тюре в своем труде «Беседа о рыжих волосах» (яп. Ко:мо: дзацува), кроме прочих народов, писал о малайцах, сравнивая ислам и японские верования [6].

Впрочем, режим «Сакоку», установленный при правлении сегунов из рода Токугава, изолировавший Японию на более чем двести лет, а так же удаленность от главных исламских центров, долгое время держали Японию в стороне от исламского мира. Лишь после революции Мейдзи в стране на регулируемой основе стали появляться иностранцы, в том числе и мусульмане.

Настоящей вехой в деле проникновения ислама в Японию стало крушение фрегата османского флота «Эртогрул» в 1890 году у берегов префектуры Вакаяма, в результате которой погибла большая часть экипажа. Выжившим был оказан радушный прием и, позже, они были отправлены домой на кораблях Японского императорского флота Конго и Хиэй. Среди японцев, отправившихся в это путешествие, был журналист Сотару Нода, который в 1891 году принял ислам, взяв имя «Абдулхалим» и ставший первым мусульманином-японцем [7].

Ислам и японский синкретизм

С этого момента начинается повышение интереса к исламу как не только иностранной религии, но и философскому учению. В 1899 году за авторством Сакамото Коичи выходит в свет биография пророка Муххамеда, а с 1920 по 1930 году тот же автор переводит Коран на японский язык, правда, используя не арабский оригинал, а переводы на европейские языки [8].

К данному периоду времени относится и появление целой плеяды японцев, которые, приняв ислам, начинают активно проповедовать его у себя на родине. Впрочем, нельзя сказать, что японцы-мусульмане первой половины XX века были ортодоксальными приверженцами ислама. Дело в том, что в Японии, как и всех остальных странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сей день существует древняя и устойчивая традиция религиозного синкретизма.

Так, два главных религиозно-философских учения Японии – буддизм и синтоизм – сосуществуют вместе и значительная часть верующих японцев не видит ничего зазорного в том, чтобы одновременно веровать и в буддистских, и в синтоистских божеств, не говоря уже о том, что существует явления «народного теизма», то есть локальных синкретических культов, в которых уживаются как элементы буддизма и синтоизма, так и локальные религиозные практики [9].

Более того, тот же буддизм и, в меньшей степени, конфуцианство с даосизмом, подверглись процессу японизации, в связи с чем различия между одними и теми же учениями в Японии и на материке были, порой, весьма существенными.

Восприятия ислама сквозь традиционный синкретизм придерживались наиболее известные японские мусульмане первой половины двадцатого века Нур Мухаммед Иппей Танака, Ахмад Бунпачиро Арига и Ямаока Котаро.

Танака Иппей известен тем, что принял ислам в 1924 году и даже дважды совершал хадж в Мекку. Параллельно, он разрабатывал синкретическое вероучение, которое должно было объединить в себе Синтоизм и пять других религиозных и философских учений, конфуцианство, буддизм, даосизм, христианство и ислам, для чего им было основано общество Go-ichi Kai (Общество «Пять в Одним») [10].

Бунпачиро Арига так же не был ортодоксальным мусульманином в строгом смысле этого слова. С одной стороны, он известен как исламский проповедник и человек, который долгое время добивался разрешения на строительство мечетей в Японии. С другой, как и Танака, Арига не видел препятствий в том, чтобы совмещать ислам с чисто японскими идейно-философскими концепциями. Так, в 30-е годы XXв. он предложил идею об особом «Японском исламе», которая, по сути, была синкретической философской концепцией, в русле господствовавшего на тот момент в Японии паназиатизма – учения, согласно которому вся Азия должна была объединиться во главе с Японией. В рамках данного учения Арига не только не отрицал существование синтоистских божеств, но и предположил, что Ками Амэноканануси равен Аллаху. Кроме того, в его трудах постоянно присутствовало упоминание Императора и императорской семьи, которых он считал равными пророку Мухаммеду. Сам же ислам он считал полезным инструментом в деле противодействия «белой расе», а в создании полноценной и многочисленной японской исламской общины – возможность установления устойчивой связи с многомиллионным исламским миром в рамках объединения Азии вокруг Японии [11].

Ямаока Катаро, в свою очередь, был одним из первых японцев, совершивших хадж в Мекку. Во время своего путешествия, он пришел к выводу, что Аллах и Аматерасу-оми-Ками, богиня солнца в японском синтоистском пантеоне, по сути, одно и то же, а значит, японский император – потомок Аллаха. Кроме того, во время своего путешествия, посещая европейские колонии, Ямаока стал свидетелем неприглядных сторон колониального правления европейских властей [12].

«Отношение британцев к индийцам совсем не похоже на то доброжелательное отношение, которое мы проявляем к корейцам» – сетовал он в своей книге «Дневник путешествия по Аравии» [13].

В то же время, в исламских странах – таких, как Османская империя, его, как представителя страны, победившего Великую европейскую державу, встречали с большим почетом, что выразилось в ускоренном предоставлении допуском в страну, бесплатным билетом до порта Джедда и встрече с шерифом Мекки Хусейном [14].

Все это вместе наложило на изначально отрицательное отношение к европейцам, а также на идеи антиколониализма (западного) и паназиатизма, господствовавших тогда в Японии на фоне успехов в деле модернизации и военных побед над Империей Цин и Россией. Было сформировано японоцентричное восприятие ислама, в котором японский национализм, религиозные практики синтоизма и ислам уживались в одной конструкции [15].

Япония и татар-башкирская эмиграция

Важным стимулом к распространению ислама в начале XX века в Японии стала Гражданская война в России. Многие белогвардейцы-мусульмане, а так же сторонники панисламизма осели в Японии и на контролируемых ею территориях. Костяком исламской общины на тот период времени стала татаро-башкирская эмиграция, во главе с такими деятелями, как Абдурашид Ибрагимов и Мухаммед-Габдулхай Габидуллоевич Курбангалиев.

Правда, если в 20-е годы община была достаточно консолидированной, то в 30-е, на почве споров о дальнейшем пути, по которому должна идти эмиграция, произошел раскол, к которому большую роль сыграл визит в Японию Гаяза Исхаки, видного татарского националиста и сторонника сближения с кемалистской Турцией. Исхаки считал, что тюркоязычные народы должны объединиться вокруг Турции, в связи с чем основал движение по получению турецких паспортов эмигрантами, что не устроило значительную часть японской мусульманской общины. Апогеем конфликта стала драка в клубе «Идзумибаси» 11 февраля 1934 года, когда группа Курбангалиева напала на группу Исхаки. В дальнейшем, раскол сохранялся, несмотря на все попытки японского правительства прекратить конфликт и привлечь исламскую общину Японии к своим военно-политическим планам [16].

К 30-ым годам XX века в Японии уже проживало около тысячи мусульман [17]. Это были как эмигранты вместе с членами своих семей, так и японцы-мусульмане. Для обеспечения религиозных нужд общины, японское правительство дало разрешение на строительство мечетей в Кобе (1935г.) и в Токио (1938г.) [18]. Усилиями местной мусульманской общины была построена мечеть в Нагое [19].

«Исламская политика» (kaikyō seisaku) Японской империи

Одновременно с ростом активности японской экспансии на материке ислам стал рассматривается не столько как религия, а как политический инструмент, который можно было бы использовать в деле построения объединенной вокруг Японии Азии.

Еще в 1909 году было основано общество «Азия Гиккай» (Общество пробуждения Азии), в котором состояли влиятельные японские политики (например, будущий премьер-министр Инукай Цуеси и депутат Нижней палаты японского парламента Хиронака Коно) и японцы-мусульмане. В обществе так же состоял Абдурашид Ибрагимов, который посещал Японию впервые [20].

В использовании ислама как инструмента продвижения собственных интересов было заинтересовано и тайное «Общество Черного Дракона» (Kokuryukai), членом которого, по некоторым данным, был вышеупомянутый

Иппей Танака [21]. Более того, во время своего первого визита в Японию в 1909 году Ибрагимов имел встречу с главой «Общества» Рехеем Утидой [22].

В 30-е годы при участии Ибрагимова началось издание журнала на татарском языке. В 1937г., при поддержке японского МИД-а создана «Исламская ассоциация Великой Японии (大日本イスラム協会)», а в 1938 году на деньги Токугавы Иемасы, 17-го главы бывшего сегунского рода Токугава, был основан Исламский научный центр [23].

В практическом плане использование ислама в политических целях с точки зрения японского правительства означало использование религиозных чувств мусульманских народов Азии и превращение их в союзников в борьбе со своими противниками. Речь шла, в первую очередь, о китайцах хуэй (回族 – хуейцзу) на материке, и мусульманах Индонезии [24].

Важность ислама в достижении политических целей иллюстрирует описание открытия Токийской мечети. В ней участвовали больше сорока дипломатов, большое количество японских военных, политиков и влиятельных общественных деятелей. Среди приглашенных были кузен Императора Манчжоу-го Пу И, главнокомандующий японскими войсками в Китае с 1937 по 1938 год Иване Мацуи (позже будет осужден за военные преступления Токийским трибуналом), а также основатель тайного «Общества Черного Дракона» Гояма Мицуру. Именно Мицуру была предоставлена честь первым открыть дверь новой мечети [25].

Кроме того, важную политико-дипломатическую, а так же экономическую роль имело то, что в 20–30гг. многие японские мусульмане стали массово отправляться в хадж. Кроме духовной практики, полонничество влиятельных японских мусульман – таких, как вышеупомянутые Танака Иппей и Ямаока Котаро, приводило к распространению паназиятских идей в странах Южной Азии и Ближнего Востока, в которых Япония выступала в качестве вероятного «освободителя» от колониального гнета европейских держав.

С точки зрения экономики, отправляющиеся в хадж японские паломники частенько выступали как торговые контрагенты, представляя интересы крупных японских концернов (дзайбацу). В том числе и благодаря их усилиями, в 30-е годы японские товары стали массово продаваться в мусульманских странах [26].

В этом деле так же большую роль сыграло «Общество Черного Дракона». Дело в том, что путешествие некоторых из полонников было организовано Вакабаяши Ханом, членом «Общества», а так же опытным «тайрику ронином»².

² Тайрику ронин (大陸浪人) – буквально, континентальный ронин, члены тайных обществ, путешествующие по Корее, Китаю и другим сопредельным странам, с целью сбора информации. По сути выполняли роль агнетурной разведки Японской империи.

Для этого были привлечены средства трех крупнейших дзайбацу, Мицуй, Митсубиши и Сумитомо, а так же Квантунской армии, Текстильной ассоциации и Южно-манчжурской железной дороги [27].

Все эти действия, имеющие своей целью использовать исламский фактор в пользу Японской империи, получили общее наименование «исламской политики» (кайкюдэ сеисаку) [28].

Впрочем, нельзя сказать, что «исламская политика» была полностью успешной. Пропаганда паназиатизма среди китайских, малайских и яванских мусульман не привела к массовому переходу их на сторону японцев. А проигрыш на Тихоокеанском театре боевых действий Второй Мировой войны привел к сворачиванию всех тех проектов, которые были направлены на использование ислама в политических целях со стороны Верховного командования союзными войсками [29].

Поражение в войне Японии так же дорого стоило и татарско-башкирской общине, которой пришлось вторично эмигрировать теперь уже с территории Японии. Большая часть общины, в конце концов, осела в Турции и США [30].

Заключение

Таким образом, история взаимоотношений исламского мира и Японии носит сложный, комплексный характер. Отдаленность Японии от исламских центров делало очень сложным ранние контакты между ними и вплоть до второй половины XIX века они носили спорадический характер.

В то же время, после «открытия» Японии восприятие ислама в японском обществе во многом стало основываться на привычных для самих японцев идейно-идеологических и религиозных основаниях, продиктованных многовековой традицией религиозного синкретизма и культурной ассимиляции. К этому добавлялось то, что ислам воспринимался не столько как путь к спасению и очищению, а как одно из множества философских учений, пришедших в страну из-за океана. Следовательно, с точки зрения японских интеллектуалов того времени, синтоизм по отношению к исламу занимал равное или первичное значение, в связи с чем именно мусульманство должно было быть «модифицировано», согласно восприятию японских мусульман. Все это вместе усугублялось самовосприятием японцев как «спасителей» Азии от колониального владычества «Белой расы».

Большую роль в распространении ислама сыграли японские тайные общества, в особенности «Общество Черного Дракона». Как и другие тайные общества Японии конца XIX-го, начала XX-го века, оно было, пусть, формально и независимым, но плотно встроенным в само «тело» японского государства и осуществлявшаяся разведывательно-диверсионная деятельность. С точки зрения членов общества, даже позиционировавших себя как мусульмане, ислам воспри-

нимался как удобный геополитический инструмент в деле противостояния Великим европейским державам, а также в построении собственной, японской сферы политико-экономического влияния, что, без учета интересов мусульманского населения покоренных территорий и их последующего встраивания в идейно-идеологическую орбиту Японии, было бы невозможно.

В данной работе была сделана попытка исторического анализа взаимодействия ислама и Японии на ранних этапах развития. Подводя итоги, можно утверждать, что такое взаимодействие, какое было проанализировано, не могло произойти без совпадения ряда факторов, важнейшими из которых являются японский религиозный синкретизм и интерес части японских элит к исламу – как к религиозно-философскому учению и возможному инструменту экспансии.

Современная исламская община Японии, несмотря на отказ от милитаризма на законодательном уровне японского общества, так же во многом опирается на описанный нами исторический путь. Это делает тематику ислама в Японии актуальной областью исследования современного как японоведения, так и исламоведения, нуждающегося в дальнейшем глубоком изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // *Research Papers: Muslims in Japan*. No. 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09> (дата обращения: 21.12.2025).
2. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4. 2025. СС. 85–107. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (дата обращения: 21.12.2025)
3. *Morris, J.* Some Reflections on the First Muslim Visitor to Japan // “American Journal of Islam and Society”, No 35(3). 2018. PP. 116–130 URL: <https://doi.org/10.35632/ajis.v-35i3.150> (дата обращения: 21.12.2025)
4. *Morris J.* Christian-Muslim relations in 19th-century Japan/ / *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 16: North America, South-East Asia, China, Japan, and Australasia (1800–1914) / ed. by D. Thomas, J. Chesworth. Leiden; Boston: Brill, 2020. PP. 485–486. DOI: 10.1163/9789004429901_007 (дата обращения: 21.12.2025).
5. Там же. Р. 48.
6. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4., 2025. С. 88. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (Дата обращения: 21.12.2025)
7. *Акун В., Abdurazakova K.* The history of the emergence and development of Islam in Japan // «Новости науки Казахстана», № 4 (167), 2025. С. 169. URL: <https://vestnik.nauka.kz/storage/docs/8Акун.pdf> (дата обращения: 21.12.2025)
8. *Krämer H.M.* Pan-Asianism’s Religious Undercurrents: The Reception of Islam and Translation of the Qur’ān in Twentieth-Century Japan// “The Journal of Asian Studies”, № 73 (3), 2014. PP. 619–640. URL: <http://www.jstor.org/stable/43553338> (дата обращения: 21.12.2025).

9. *Шехтер А.Г.* Синкретизм в новых религиозных движениях Японии на примере Оомоке // «Ежегодник Япония», Т. 53, 2024. СС. 322–338. URL: <https://www.yearbook-japan.ru/jour/article/view/455/401> (дата обращения: 21.12.2025).
10. *Misawa N.* Shintoism and Islam in Interwar Japan: How did the Japanese Come to Believe in Islam? // “Orient”. Vol. XLVI. 2011. PP. 119–140. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/orient/46/0/46_119/_pdf/-char/en (дата обращения: 21.12.2025)
11. Там же. СС. 130–135.
12. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24. №. 4, 2013. PP. 849–876. URL: <http://www.jstor.org/stable/43818413> (дата обращения: 21.12.2025).
13. Там же. СС. 852–853.
14. Там же.
15. Там же.
16. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4., 2025. СС. 92–95. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (дата обращения: 21.12.2025).
17. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // Research Papers: Muslims in Japan. № 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09/> (дата обращения: 21.12.2025).
18. *Оги А.* Ислам в Японии в современной парадигме // «Этническая культура». Т. 7, № 1. 2025. СС. 8–14. URL: https://journal.ec.com/ru/article/126843/discussion_platform (дата обращения: 21.12.2025).
19. *Усманова Л.* Первые мечети в Японии // «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 3–4. 2005. СС. 117–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-mecheni-v-yaponii> (дата обращения: 21.12.2025).
20. *Teliisin N. N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. PP. 360–375. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (дата обращения: 21.12.2025).
21. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24, №. 4, 2013. PP. 869–869. URL: https://www.jstor.org/stable/43818413?read-now=1&seq=12#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.12.2025).
22. *Brandenburg U.* The Multiple Publics of a Transnational Activist: Abdürreşid İbrahim, Pan-Asianism, and the Creation of Islam in Japan // “Die Welt Des Islams”. Vol. 58, No. 2, 2018. PP. 143–172. URL: <https://www.jstor.org/stable/26568516> (дата обращения: 21.12.2025).
23. *Teliisin N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. P. 370. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (дата обращения: 21.12.2025).
24. *Yamashita Y.* Islam and Muslims in “non-religious” Japan: caught in between prejudice against Islam and performative tolerance // “International Journal of Asian Studies”. Vol. 19,

- No.1, 2021. PP. 81–97. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-asian-studies/article/islam-and-muslims-in-nonreligious-japan-caught-in-between-prejudice-against-islam-and-performative-tolerance/6B5919A1812532191499060DE9AEC9EB?utm> (дата обращения: 21.12.2025).
25. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan's Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World... P. 860. URL: https://www.jstor.org/stable/43-818413?read-now=1&seq=12#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.12.2025).
26. Там же. СС. 862–867.
27. Там же.
28. Там же.
29. *Atsushi Y.* Perceptions of Islam and Muslims in Contemporary Japan // “New Voices in Japanese Studies”. Vol. 11, 2019. PP. 1–25. URL: <https://newvoices.org.au/volume-11/perceptions-of-islam-and-muslims-in-contemporary-japan/> (дата обращения: 21.12.2025).
30. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4., 2025. С. 96. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (дата обращения: 21.12.2025).

REFERENCES

1. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // Research Papers: Muslims in Japan. No. 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09> (accessed: 21.12.2025)
2. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // Patria. Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 85–107. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23-128> (accessed: 21.12.2025) (In Russian).
3. *Morris J.* Some Reflections on the First Muslim Visitor to Japan // “American Journal of Islam and Society”, No 35 (3). 2018. PP. 116–130. URL: <https://doi.org/10.35632-ajis.v35i3.150> (accessed: 21.12.2025).
4. *Morris J.* Christian-Muslim relations in 19th-century Japan // “Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History”. Vol. 16: North America, South-East Asia, China, Japan, and Australasia (1800–1914) / ed. by D. Thomas, J. Chesworth. Leiden; Boston: Brill, 2020. PP. 485–486. DOI: 10.1163/9789004429901_007. (accessed: 21.12.2025).
5. Ibid. P. 48.
6. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // “Patria”. Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 48. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (accessed: 21.12.2025) (In Russian).
7. *Akyn B., Abdurazakova K.* The history of the emergence and development of Islam in Japan // “News of Kazakhstan science”, № 4 (167), 2025. P. 169. URL: <https://vestnik.nauka.kz/storage/docs/8Akyn.pdf> (accessed: 21.12.2025).
8. *Krämer H.* Pan-Asianism's Religious Undercurrents: The Reception of Islam and Translation of the Qurʾān in Twentieth-Century Japan // “The Journal of Asian Studies”, № 73 (3), 2014. PP. 619–640. URL: <http://www.jstor.org/stable/43553338> (accessed: 21.12.2025).
9. *Shechter A.G.* Syncretism in New Religious Movements of Japan: The Case of Oomotokyō // “Yearbook Japan”. Vol. 53, 2024. PP. 322–338. URL: <https://www.yearbook-japan.ru/jour/article/view/455/401> (accessed: 21.12.2025).

10. *Misawa N.* Shintoism and Islam in Interwar Japan: How did the Japanese Come to Believe in Islam? // “Orient”. Vol. XLVI. 2011. PP. 119–140. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/orient/46/0/46_119/_pdf/-char/en (accessed: 21.12.2025).
11. *Ibid.* PP. 130–135.
12. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24, №. 4, 2013. PP. 849–876. URL: <http://www.jstor.org/stable/43818413> (accessed: 21.12.2025).
13. *Ibid.* PP. 852–853.
14. *Ibid.*
15. *Ibid.*
16. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // “Patria”. Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 92–95. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513-723128> (accessed: 21.12.2025) (In Russ.).
17. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // Research Papers: Muslims in Japan. No. 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09/> (accessed: 21.12.2025).
18. *Ogi A.* Islam in Japan in a Contemporary Paradigm // “Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture”, 7 (1), 2025. PP. 8–14. URL: https://journalec.com/ru/article/126843/discussion_platform (Accessed: 21.12.2025) (In Russ.).
19. *Usmanova L.* The first mosques in Japan // “Gasirlar avazy – Echo of centuries”, No 3–4, 2005. PP. 117–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-mecheni-v-yaponii> (accessed: 21.12.2025). (In Russ.).
20. *Telitsin N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. PP. 360–375. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (accessed: 21.12.2025).
21. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24, №. 4, 2013. P. 869. URL: <http://www.jstor.org/stable/43818413> (accessed: 21.12.2025).
22. *Brandenburg U.* The Multiple Publics of a Transnational Activist: Abdürreşid İbrahim, Pan-Asianism, and the Creation of Islam in Japan // Die Welt Des Islams, Vol. 58, No. 2, 2018. PP. 143–172. URL: <https://www.jstor.org/stable/26568516> (accessed: 21.12.2025).
23. *Telitsin N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. P. 370. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (accessed: 21.12.2025).
24. *Yamashita Y.* Islam and Muslims in “non-religious” Japan: caught in between prejudice against Islam and performative tolerance // International Journal of Asian Studies. Vol.19, No.1, 2021. PP. 81–97. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-asian-studies/article/islam-and-muslims-in-nonreligious-japan-caught-in-between-prejudice-against-islam-and-performative-tolerance/6B5919A1812532191499060DE9AEC9EB?utm> (accessed: 21.12.2025).
25. *Koyagi M.* “The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // Journal of World History, Vol. 24, №. 4, 2013. P. 860. URL: https://www.jstor.org/stable/43818413?read-now=1&seq=12#page_scan_tab_contents (accessed: 21.12.2025).

26. Ibid. PP. 862–867.
27. Ibid.
28. Ibid.
29. *Atsushi Y.* Perceptions of Islam and Muslims in Contemporary Japan // *New Voices in Japanese Studies*. Vol. 11, 2019. PP. 1–25. URL: <https://newvoices.org.au/volume-11/perceptions-of-islam-and-muslims-in-contemporary-japan/> (accessed: 21.12.2025).
30. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // “Patria”, Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 96. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (accessed: 21.12.2025) (In Russ.).

**ISLAM AND JAPAN: FEATURES OF PERCEPTION THROUGH
THE PRISM OF JAPANESE SYNCRETISM AND THE HISTORY
OF ISLAM IN JAPAN BEFORE 1945**

H. Bardakchyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to a historical analysis of Japan's contacts with the Islamic world, as well as the peculiarities of the perception of Islam by the Japanese intellectual elite in the early stages of these interactions. It examines both sporadic contacts before the Meiji era and the processes of the systematic penetration of Islam into Japan in the late 19-th and early 20th centuries. Key events and personalities are analyzed, including the shipwreck of the frigate “Ertuğru”l, the emergence of the first Japanese Muslims, the activities of “secret societies” and the emergence of ideas of a syncretic “Japanese Islam”. Special attention is paid to the interrelationship of religion and politics, manifested in the use of the Islamic factor within the framework of the geopolitical and economic interests of the Japanese Empire.

Keywords: Japan, Islam, syncretism, Pan-Asianism, geopolitics.